

Л. С. Дампилова, Е. Н. Кузьмина
Институт филологии СО РАН

МОТИВ СУДЬБЫ В ФОЛЬКЛОРЕ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

Аннотация. В статье обсуждаются актуальные вопросы отражения и развития мотива судьбы в фольклоре монгольских народов в свете их традиционных представлений. Воззрения о судьбе являются самой существенной частью в народном видении картины мира и понимании предназначенности человека. Несмотря на то, что тема судьбы издавна волновала людей и всецело занимала их умы, все еще мало работ, посвященных этому вопросу. С этим связана актуальность и новизна нашего исследования. Цель данной работы – дать анализ отражения в фольклоре мифологических представлений о судьбе человека и мироустройства, определить связь этих взглядов с буддийской традицией, являющейся неотъемлемой частью духовной жизни монгольских народов. Для достижения этой цели используются методы сравнительного, интерпретационного и контекстуального анализа мифов, обрядовых текстов, эпоса и устных нарративов. Основные положения статьи имеют перспективное продолжение в исследовании обрядового фольклора бурятского народа с последующей публикацией образцов культовой поэзии, в которых получила отражение тема судьбы и предопределенности жизни человека. В результате изучения фольклорного материала монгольских народов впервые систематизированы по изданным и архивным материалам образы божеств и духов судьбы в сравнительном аспекте, выявлены их функции как дарителей жизни и богатства, защитников и покровителей людей и эпических героев. В ходе исследования прослежено, что понятие *заяан* ‘судьба’ различается в дошаманской, шаманской и буддийской традициях, получая разные интерпретации. В буддизме слово *заяан* ‘судьба’ имеет много значений, но более важно понимание того, что судьба человека зависит от его благих или плохих деяний в предыдущих перерождениях. В широком народном понимании, что отразилось и в фольклоре, некая судьба человеку дана свыше, но человек может сам управлять ею. В обрядовых текстах, эпосе и устных нарративах монгольских народов из пантеона высших небожителей выделяется многофункциональное божество судьбы, играющее главенствующую роль в жизненном цикле человека. Судьба человека предопределена верховными божествами, а также божеством огня и духами-хозяевами местности. В эпических текстах бурят с понятием «судьба» неразрывно связан образ книги судьбы, в которой расписаны особо значимые события в жизни героев, дается предписание, как поступить в конкретной ситуации.

© Дампилова, Л. С., Кузьмина, Е. Н., 2024

© Dampilova, L. S., Kuzmina, E. N., 2024

ДАМПИЛОВА Людмила Санжибоевна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель лаборатории «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия. ORCID: 0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

DAMPILOVA Lyudmila Sanzhiboevna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Chief Researcher, Head of Laboratory “Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language”, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia. ORCID: 0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

КУЗЬМИНА Евгения Николаевна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия. ORCID: 0000-0002-7389-7811. E-mail: kuzmina.evgenia2010@yandex.ru

KUZMINA Evgeniya Nikolaevna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Chief Researcher of Laboratory “Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language”, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia. ORCID: 0000-0002-7389-7811. E-mail: kuzmina.evgenia2010@yandex.ru

Ключевые слова: бурятский фольклор; мифологические божества; понятие ‘судьба’; буддизм в эпосе; народное представление о судьбе; функции божеств; образ божества судьбы; божество огня; духи-хозяева местности; книга судьбы в фольклоре

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Для цитирования: Дампилова, Л. С., Кузьмина, Е. Н. Мотив судьбы в фольклоре монгольских народов // Эпосоведение. – 2024. – № 4 (36). – С. 38–45. – DOI : 10.25587/2782-4861-2024-4-38-45.

L. S. Dampilova, E. N. Kuzmina

Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS

The motif of fate in the folklore of the Mongolian peoples

Abstract. The article discusses topical issues of reflection and development of the motif of fate in the folklore of the Mongolian peoples in the light of their traditional ideas. The views of fate are the most essential part in the people’s vision of the world and understanding of the destiny of man. Despite the fact that the topic of fate has long worried people and completely occupied their minds, there are still few works devoted to this issue. This is related to the relevance and novelty of our research. The purpose of this work is to analyze the reflection in folklore of mythological ideas about the fate of man and the world order, to determine the connection of these views with the Buddhist tradition, which is an integral part of the spiritual life of the Mongolian peoples. To achieve this goal, methods of interpretative and contextual analysis of myths, ritual texts, epics and oral narratives are used. The main provisions of the article have a promising continuation in the study of the ritual folklore of the Buryat people, followed by the publication of samples of cult poetry, which reflected the theme of fate and the predestination of human life. As a result of studying the folklore material, it was revealed that the concept of the ‘fate’ of *zayaan* differs in the pre-Shamanic, shamanic and Buddhist traditions, receiving different interpretations. In Buddhism, the word ‘fate’ of *zayaan* has many meanings, but it is more important to understand that a person’s fate depends on his good or bad deeds in previous rebirths. In the broad popular understanding, which is reflected in folklore, a certain fate is given to a person from above, but a person can control it himself. In the ritual texts, epics and oral narratives of the Mongolian peoples, a multifunctional deity of fate stands out from the pantheon of the highest celestials, playing a dominant role in the human life cycle. The fate of man is predetermined by the supreme deities, as well as the deity of fire and the spirits who own the area. In the epic texts of the Buryats, the image of the book of fate is inextricably linked with the concept of ‘fate’, in which particularly significant events in the lives of the characters are painted, and instructions are given on how to act in a specific situation.

Keywords: Buryat folklore; mythological deities; the concept of ‘fate’; Buddhism in the epic; folk idea of fate; functions of deities; images of the deity of fate; the deity of fire; spirits-masters of the area; the book of fate in folklore

Acknowledgements: This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences “Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language” supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract No. 075-15-2019-1884.

For citation: Dampilova, L. S., Kuzmina, E. N. The motif of fate in the folklore of the Mongolian peoples. Epic studies. 2024, No. 4(36), pp. 38–45. DOI: 10.25587/2782-4861-2024-4-38-45.

Введение

В отечественном монголоведении мотив судьбы, связанный с образами мифологических божеств и духов, достаточно широко изучен в трудах этнографов и историков (Д. Банзаров [1], Н. Н. Поппе [2], Н. Л. Жуковская [3], Т. Д. Скрынникова [4; 5; 6], Г. Р. Галданова [7; 8] и др.). Особо можно выделить коллективную монографию «Обряды в традиционной культуре бурят» [9], в которой рассмотрена роль божества судьбы в ритуалах жизненного цикла, образ божества огня

как великой создательницы судьбы в свадебных обрядовых действиях бурят. Следует отметить статью Е. В. Тюттешевой, О. Ю. Шагдуровой, А. В. Байыр-оол «Концепт СУДЬБА в языковой картине мира тюрков Южной Сибири» [10], в которой прослежены как общие черты концепта в алтайском, тувинском и хакасском языках, так и специфичные для каждого языка. Авторами подмечено влияние религии и русского языка на концепт и изменение в целом фаталистичного восприятия судьбы на возможность проявления воли человека. С фольклорной точки зрения исследованы образы божеств и духов судьбы в эпосе монгольских народов в трудах Б. Ринчена [11], С. Ю. Неклюдова [12; 13; 14; 15], Г.-Д. Нацова [16], Б. С. Дугарова [17], Н. Н. Николаевой [18] и др. В данной работе впервые по изданным и архивным материалам систематизирован в сравнительном аспекте образ божеств и духов судьбы в фольклоре монгольских народов.

При исследовании вербальных практик на уровне языка, фольклора и литературы сквозь призму культурных универсалий актуальным представляется выявление семантики и семиотики значимых мотивов и концептов в литературе, фольклоре и языке тюрко-монгольских народов. В аспекте междисциплинарных исследований выявлена семантика мотива судьбы в языке, литературе народов Сибири, в бурятской литературе рассмотрен мотив судьбы с точки зрения буддийской концепции о карме человека, когда судьба зависит от деяний человека в прошлых перерождениях. Целью данной работы является выявление мотива судьбы в контексте традиционных представлений в фольклоре монгольских народов, исследование отражения в фольклоре мифологических представлений о судьбе человека и мироустройства, определение связи этих взглядов с буддийской традицией, являющейся неотъемлемой частью духовной жизни монгольских народов. Материалом изучения явились образцы обрядового фольклора монгольских народов, в котором существенное место занимает культовая поэзия, народные афоризмы, тексты героического эпоса бурят.

Функциональная роль небожителей в судьбе мифологических героев

Бурятское слово *заяан* и словосочетания *хуби заяан*, *амар заяан*, *одо заяан* чаще всего переводятся как ‘судьба, рок, предопределение’. В дошаманской, шаманской и буддийской традиции слово получает разные интерпретации в контексте нарратива: «*Заяан* – по анимистическим воззрениям бурят, демиург, создающий зародыши людей и домашних животных, по шаманской мифологии, дух – защитник подопечных ему людей» [19, с. 53]. В буддийской терминологии значение слова *заяан* также имеет много интерпретаций, но более значима концепция, что судьба человека зависит от его благих или плохих деяний в предыдущих перерождениях.

В устойчивых формульных выражениях монголов и бурят проявляется семантика слова ‘судьба’ в широком народном понимании: *Сайн явах нь санааны байдаг, сайхан нутагт төрөх нь заяанай байдаг* ‘Хорошая жизнь от ума зависит, прекрасная родина от судьбы зависит’; *Эзэн хичээвэл заяа хичээнэ* ‘Если сам постараться, то и судьба постареется’. Из этих афоризмов разного содержания можно прийти к выводу, что некая судьба человеку дана свыше, но управлять ею может сам человек. По мнению Н. Л. Жуковской, в этом слове «заложена определенная сакральность, имеется в виду благодать, предопределенная Небесами, судьбой, абстрактным неантропоморфным началом, распорядителем судеб как отдельных лиц, так и всего народа в целом» [3, с. 87].

Божество судьбы, относящееся к общим космологическим представлениям, является универсальным образом в мировой мифологии. По теории рефлексивного управления поведением партнера по коммуникации в ритуале [цит. по Новик, 20, с. 106, 108, 144] при установлении связи между мирами главенствующей идеей является мотив зависимости судьбы людей от небожителей. В мифах, обрядовых текстах, эпосе и устных нарративах монгольских народов из пантеона высших небожителей выделяется многофункциональное божество судьбы. Судьба человека предопределена верховными божествами.

Один из наиболее архаичных бурятских небожителей Заян Саган тэнгри ‘Белый тэнгри судьбы’ входит в пантеон древнемонгольских богов. По исследованным монгольским молит-

венным обрядникам добуддийского периода Г. Р. Галданова приходит к выводу об исконном культе Дзаягачи тэнгри в монгольской среде [8, с. 95]. В бурятской традиции Заян Саган тэнгри в первую очередь известен как творящее божество. Согласно кудинской мифологической картине мира, Заян Саган тэнгри и Эсэгэ Малан тэнгри, главы добрых светлых божеств, считаются творцом людей, символом благополучия, семейного счастья и деторождения [21, с. 237]. Примечательно, что в обрядовых событиях он упоминается отцом отдельных божеств и героев, как, например, Солбон тэнгрия (звезды Венеры). И. А. Манжигеев считает, что Уха Солбон является сыном Заян Саган тэнгэри и выступает покровителем и собственником табуна лошадей. «В основе мифа лежит мотив астрального культа – почитание “утренней звезды” Венеры» [19, с. 77].

В бурятских эпических версиях божества Эсэгэ Малан тэнгри, Заян Саган тэнгри и Хухэдэй Мэргэн тэнгри «представляют верховную триаду западных небожителей – небесных прародителей и покровителей Гэсэра» [17, с. 7]. Рождение героя на небесах и его спуск на землю в эпосе монгольских народов подразумевает предопределенность пути героя и зависимость его судьбы от небожителей. Заян Саган тэнгри представлен небесным покровителем и создателем, способствовавшим рождению на Земле эпических героев Гэсэра, Хухэрдэй Мэргэна и других: *Заяаһан Заяан тэнгэришини / Зайлуулан хаража ябаг даа* ‘Творец твой – Заян тэнгри / Да охраняет тебя’ [22, с. 307]; *Табиһан табилгамни, / Заяаһан заяабаримни / Заяан Сагаан тэнгэри / Зада Сагаан хатан* ‘Сотворивший творец мой, / [Судьбу] предопределивший создатель, / Заян Саган тэнгрий, / Зада Саган ханша’ [18, с. 212–213]. Необходимо обратить внимание, что в мифах он родитель трех сыновей и трех дочерей, отец Солбон-тэнгрия, а в эпических текстах его имя упоминается именно как создателя и помощника небесных героев на земле. Здесь знаменательна его эфемерная роль творца. Итак, наиболее востребованным в его характеристике является мотив создателя людей и эпических героев.

По мифологии агинских бурят «Одон Заяан тэнгри (“Звезда судьбы”) – гений-хранитель всех живых существ, находится над головой каждого и охраняет его. Пятый тэнгри, Заяаши тэнгри, дает жизнь всем существам» [16, с. 79]. В эпических вариантах текстов Заян Саган тэнгри не только охраняющее божество, но и активный участник событий, спускается на землю и сражается с Ухин тэнгри, которая покровительствует противникам Гэсэра [22, с. 415–416]. Итак, значимым следующим мотивом в семантике божества судьбы проявляется мотив оберегающей и охраняющей силы как всех людей, так и эпических героев.

Также у агинских бурят божество Заяаши тэнгри, тождественный Заян Саган тэнгри, почитаем как покровитель скота [1, с. 185], в шаманских текстах его презентуют шире как дарующего добро: *Богдо буурал Заяаши тэнгри / Булта юмээз үгэгшэ* ‘Верховный (святейший) седой Заяаши тэнгри, / Все нужное дающий’ [2, с. 422]. По данным Д. Банзарова, божество судьбы в древнемонгольской традиции был именно почитаемым как покровитель главного богатства кочевого народа – скота – источника их благополучия [1, с. 45]. Итак, появляется еще один мотив как дарителя богатства, охранника благополучия людей.

В обрядовом фольклоре Заян Саган тэнгри наравне с Эсэгэ Малан тэнгри наиболее обозначен как хранитель семейного счастья и посланник детей. Божество судьбы «в своей женской ипостаси называется Эмэгэльджи-дзаягачи (*эмгэн* ‘женщина’) – богиней детей, хранительницей домашнего благополучия» [1, с. 45]. Существуют специальные онгоны судьбы – *Заяаша баабай, Зарлиг төөдэй* ‘Спаситель-отец, Повелительница-бабушка’, имеющие идентичные функции с божествами, посылающими детей бездетным семьям и охраняющих их. Примечательно, что в улигерных версиях его образ может приобретать черты буддийского божества с именем *Ехэ Заяанай бурхан-багша* ‘Бурхан-учитель Большой Заяша’, у которого Гэсэр просит себе детей [23, с. 131].

Обращаясь к буддийским традициям в эпических нарративах бурят, особое внимание привлекает книга судеб, именуемая в разных вариантах текстов как *заяанай шара худли/судар/ном*

‘желтая книга судьбы’, *эхэ сагаан/шара ном* ‘материнская белая/желтая книга’, *ном сажан* ‘священная книга’, *бурханай хинииг* ‘книга бурхана’, *Майдари хинииг* ‘книга Майдари’, которыми зачастую обладают ламы или сам Будда. Упомянутый устойчиво желтый цвет книги обусловлен восприятием цвета в буддизме (желтый, голубой, белый, красный) как священных цветов, и, возможно, представлениями, что книга изготовлена из выделанной кожи, обычно имеющей желто-коричневый цвет.

Книга судьбы разгадывает сны, узнает пути спасения от смерти, будущее героя [24, с. 181–182]. Например, лама при помощи книги судеб помогает Гэсэру излечиться от болезни [24, с. 128–129]. Примечательно, что в разных вариантах эпических текстов *мангадхайки* (злые женские персонажи) могут перевоплощаться в *даянша*-ламу, т. е. в ‘ламу-странника’, *Ехэ Заяянай хутагта бурхан* ‘Бурхана-учителя Большого Заяша’ или в трех *соржо*-лам именно при помощи *бурханай хинииг* ‘священной книги’. Надо пояснить, что *соржо*-лама в буддийской иерархии является заместителем *ширетуя*, настоятеля дацана, и отвечает за проведение ритуальной части молебнов. Обычно *соржо*-лама имеет двух заместителей: *унзад* (лама, отвечающий за проведение хуралов и религиозных ритуалов) и *гэбгы* (лама, отвечающий за порядок, дисциплину, ритуальные и имущественные приготовления).

В героическом эпосе примечателен мотив священной книги как реального предмета, определяющего судьбу героя. Принимая судьбоносные решения, персонаж в сказаниях непременно обращается к книге, чтобы узнать, где находится предназначенная ему невеста¹, как найти душу противника, чтобы победить его². В эпосе отведена книге функциональная роль волшебного предмета, в котором содержатся советы герою и расписано его предназначение, а также по которому можно узнавать о его физическом благополучии/неблагополучии. Так, например, в сказании «Найтал Мэргэн»³ побратимы обмениваются книгами судьбы, чтобы вспоминать друг о друге и в случае беды прийти на помощь. Герои эпоса и сказок, расставаясь, обычно оставляют свой нож, напильник или кольцо, по состоянию которых (ржавеют или блестят) домочадцы и помощники узнают, жив ли герой. В героических сказаниях повествуется о необычном хранении книги судьбы. Эпос утверждает, что богатырь при обращении к ней, разрезает свой лоб, нутро или икры ног. Например: *Бульшангаа хахалажи, / Бурханаа хэниг дуудаба, / Ханишираа хахалажи, / Хаанай хэниг дуудаба* – ‘Икры ног разрезав, / Божественную книгу [вынув], читал, / Брюшину разрезав, / Ханскую книгу [вынув], читал⁴. Здесь имплицитно содержится мысль о том, что книга всегда находится при богатыре, после разрезания она достается из тела. Но обращаются к ней в особо трудных ситуациях и, как правило, речь идет о положительном главном герое, который наделен умением читать и руководствоваться написанным. Мотив чтения книги облекается в устойчивое поэтическое описание, которое относится к эпическим интертекстуальным «общим местам» (*loci communes*), пространно развертывающим процесс чтения книги. Богатырь читает книгу с утра до глубокой ночи, с ночи до утра, перелистывая ее от «корки до корки». Конечно, этот эпизод является уже позднейшим наслоением, отражающим появление письменности и овладение грамотой.

В тюрко-монгольской традиции в пантеоне небесных божеств небожители наделяются разными функциями, так что дарителями хорошей судьбы могут быть не только специальные божества, но и хозяин огня как покровитель домашнего очага. Хозяев огня Сахядай ной-она и Санхали хатан призывают в семейных и культовых ритуальных действиях трафаретным

¹ Тохонийн Ганса Төөлэн ‘Тойлэн единственный [сын] Тохоня // Центр восточных рукописей и ксилографов Ин-та монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения российской академии наук (сокр. ЦВРК ИМБТ СО РАН), личный фонд М.П. Хомонова, ф. 23, оп. 1. д. 32. (На бурятском яз.)

² Арбан табан наһандаа үгэлһэн Гургалдай ‘В пятнадцать лет повзрослевший Гургалдай’ // ЦВРК ИМБТ СО РАН, личный фонд М. П. Хомонова. Ф. 23. Оп. 1. Д. 31. (На бурятском яз.)

³ Найтал Мэргэн // ЦВРК ИМБТ СО РАН, личный фонд М. П. Хомонова. Ф. 23. Оп. 1. Д. 36. (На бурятском яз.)

⁴ Эрийн хайн Сэмнэг мэргэн ‘Лучший из мужей Сэмнэг мэргэн’. Зап. со слов Лазаря Бардаханова в 1941 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Д. 285. С. 45. (На бурятском яз.)

общеизвестным устойчивым обращением: «Гал ехэ гуламта, / Зол ехэ Заяаши, / Гал хотоймо үнэрһөөнь, / Газар хотоймо баянһаань заяагыта – ‘Великий очаг огня, / Великая созидательница судьбы / От духа великого огня, / От богатства могучей земли подайте’. <...> Гал Заяши – “созидательница огня, покровительница домашнего очага” называлась в то же время Зол Заяши – “созидательница судьбы, покровительница детей и скота”. Считалось, что Заяши дарует детей и в будущем покровительствует им» [7, с. 63]. Объединяются эти два божества с одной функцией в варианте мифа, в котором говорится, что «на небе было божество Хан Заяаши, которого называли Гали тэнгри – Тэнгри огня» [29, с. 83]. В образе хозяина огня под именем Зол Заяши ‘Подающий удачу’ мотив удачливой, счастливой судьбы совпадает с образом общемонгольского божества с идентичными функциями и именем Дзол-тэнгри ‘Удача-тэнгри’.

По мифологии считается, что огонь «высекает Хан Сагаадай дедушка, а разводит его Санхалан-бабушка» [7, с. 34], и в данном случае мотив дарения ребенка уточняется вариантом мотива зачатия: мужское начало – высекание огня, женское – разведение огня. Дарителем хорошей судьбы и покровителем людей может быть хозяин местности, например, урянхайский шаман призывает хозяина Алтая как божество, владеющего судьбой человека: «Светлую свечу зажигаю, / Чистым можжевеликом очищаемый, / С чистым молоком подношением, / Со светло-серым конем, / С белым шелковым потником / Алтай заяагч мой, / Пятью стихиями моими владея, помилуй!» [11, с. 75].

Заключение

Таким образом, многофункциональное божество судьбы в монгольской традиции играет главенствующую роль в жизненном цикле человека. В ходе исследования выявлены основные мотивы судьбы, связанные с образом Заян Саган тэнгри: мотив божественного творения людей, героев, дарителя детей, мотив покровителя и защитника семьи и скота, мотив дарителя удачи, благополучия и богатства. Также установлено, что функциями дарителя судьбы и покровителя людей могут обладать и другие божества, как Эсэгэ Малан тэнгри, божество огня Сахядай нойон, хозяева определенной местности. Таким образом, в результате изучения фольклорного материала монгольских народов впервые систематизированы по изданным и архивным материалам образы божеств и духов судьбы в сравнительном аспекте, выявлены их функции как дарителей жизни и богатства, защитников и покровителей людей и эпических героев. Мотив судьбы является древнейшим архетипом, вошедшим во многие фольклорные произведения и получившим особенно яркую художественную интерпретацию в обрядовых текстах и героическом эпосе.

Литература

1. Банзаров, Д. Собрание сочинений. Изд. 2-е, доп. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – 239 с. (На бурятском и рус. яз.)
2. Поппе, Н. Н. Бурят-монгольский фольклорный и диалектологический сборник. – Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1936. – 166 с.
3. Жуковская, Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. – Москва : Наука, 1988. – 198 с.
4. Скрынникова, Т. Д. Изучение традиционной культуры бурят: (новый подход) // Монголоведные исследования. Вып. 2. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ, 1997. – С. 3–19.
5. Скрынникова, Т. Д. Харизма и власть в представлении средневековых монголов. – Москва : Восточная литература, 1997. – 216 с.
6. Скрынникова, Т. Д. Божества и исполнители обрядов у монголоязычных народов // Сибирь: этносы и культуры. Вып. 3. – Улан-Удэ : ИПК Восточно-Сибирской гос. академии культуры и искусств, 1998. – С. 106–161.
7. Галданова, Г. Р. Доламаистские верования бурят. – Новосибирск : Наука, 1987. – 116 с.
8. Галданова, Г. Р. Эволюция представлений о тэнгри // Средневековая культура Центральной Азии: письменные источники. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – С. 94–107.

9. Обряды в традиционной культуре бурят / ответственный редактор Т. Д. Скрынникова. – Москва : Восточная литература, 2002. – 222 с.
10. Тютешева, Е. В., Шагдурова, О. Ю., Байыр-оол, А. В. Концепт СУДЬБА в языковой картине мира тюрков Южной Сибири // Тенденции развития когнитивной лингвистики и лингвокультурологии в XXI в. / главный редактор М. В. Пименова. Вып. 24. – Витебск : Витебский гос. ун-т, 2024. – С. 168–180. – (Серия «Концептуальный и лингвальный мир»)
11. Ринчен, Б. Монгол бөөгийн дуудалга. – Улаанбаатар : Удам соёл ХХК, 2013. – 300 х. (На монгольском яз.)
12. Неклюдов, С. Ю. Монгольских народов мифология // Мифы народов мира. – Москва : Советская энциклопедия, 1988. – С. 170–174.
13. Неклюдов, С. Ю. Полистадиальный образ духа-хозяина, хранителя и создателя огня в монгольской мифологической традиции // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1992/1993. – Т. XLVI (2–3). – С. 311–321.
14. Неклюдов, С. Ю. Монгольская мифология: религиозные и повествовательные традиции // Мифология и литературы Востока. – Москва : Наследие, 1995. – С. 67–77.
15. Неклюдов, С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. – Москва : Индрик, 2019. – 592 с.
16. Нацов, Г.-Д. Материалы по истории и культуре бурят / перевод со ст.-монг. и примечания Г. Р. Галдановой. Ч. I. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – 156 с.
17. Дугаров, Б. С. Мифология бурятской Гэсэриады: восточные тэнгри. – Улан-Удэ : Республиканская типография, 2007. – 268 с.
18. Бурятский героический эпос ‘Хүйлэн хүхэ морьтой Хүхэдэй Мэргэн хүбүүн’. ‘Хүхэрдэй мэргэн’ / научный перевод, предисловие, комментарии, примечания, словарь непереведенных слов Н. Н. Николаевой. – Улан-Удэ : Республиканская типография, 2022. – 360 с.
19. Манжигеев, И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. – Москва : Наука, 1978. – 125 с.
20. Новик, Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: (опыт сопоставления структур). 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Восточная литература, 2004. – 304 с.
21. Хангалов, М. Н. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. – Улан-Удэ : Республиканская типография, 2004. – 508 с.
22. Абай Гэсэр Богдо хаан / запись и составление С. П. Балдаева ; подготовка текста и предисловие М. И. Тулохонова, Д. Д. Гомбоин. – Улан-Удэ : Бурятское книжное изд-во, 1995. – 521 с. (На бурятском яз.).
23. Гэсэр / сказитель П. П. Дмитриев, записано Д. Хилтухин ; подготовили к печати А. И. Уланов, К. М. Черемисов ; под общей редакцией П. И. Хадалова, А. И. Уланова. – Улан-Удэ : Типография отдела изд-в и полиграф. промышл. Минкультуры БМ АССР, 1953. – 163 с. (На бурятском яз.).
24. Абай Гэсэр / сказитель П. М. Тушемилов, научная запись Т. М. Болдоновой ; перевод, вступительная статья и послесловие С. Ш. Чагдурова. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2000. – 256 с.
25. Шаракшинова, Н. О. Мифы бурят. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1980. – 168 с.

References

1. Banzarov, D. Collected works. 2nd ed., revised. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ. House, 1997, 239 p. (In Buryat and Rus.)
2. Poppe, N. N. Buryat-Mongolian folklore and dialectological collection. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ. House, 1936, 166 p. (In Rus.)
3. Zhukovskaya, N. L. Categories and symbolism of traditional Mongol culture. Moscow, Eastern literature Publ., Nauka Publ., 1988, 198 p. (In Rus.)
4. Skrynnikova, T. D. Studying the traditional culture of the Buryats: (new approach). In: Mongolian studies. Iss. 2. Ulan-Ude, Buryat SC Publ. House, 1997, pp. 3–19. (In Rus.)
5. Skrynnikova, T. D. Charisma and power in the minds of the medieval Mongols. Moscow, Eastern literature Publ., 1997, 216 p. (In Rus.)
6. Skrynnikova, T. D. Deities and ritual performers among Mongol-speaking peoples. In: Siberia: ethnic groups and cultures. Iss. 3. Ulan-Ude, East Siberian State Academy of Culture and Arts PPC, 1998, pp. 106–161. (In Rus.)

7. Galdanova, G. K. Pre-Lamaist beliefs of the Buryats. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987, 116 p. (In Rus.)
8. Galdanova, G. K. Evolution of ideas about Tengri. In: Medieval culture of Central Asia: written sources. Ulan-Ude, Buryat SC SB RAS Publ. House, 1995, pp. 94–107. (In Rus.)
9. Ceremonies in traditional culture of the Buryats. Responsible editor T. D. Skrynnikova. Moscow, Eastern literature Publ., 2002, 222 p. (In Rus.)
10. Tyuntseva, E. V., Shagdurova, O. Yu., Baiyr-ool, A. V. The concept of the DESTINY in the linguistic picture of the world of the Turks of Southern Siberia. In: Trends in the development of cognitive linguistics and linguacultural studies in the 21st century. Iss. 24. Editor-in-Chief M. V. Pimenova. Vitebsk, Vitebsk State University, 2024, pp. 168–180. (Series “Conceptual and Linguistic Worlds”). (In Rus.)
11. Rinchen, B. Mongolian dance pronunciation. Ulaanbaatar, Udam Culture LLC Publ., 2013, 300 p. (In Mongolian)
12. Neklyudov, S. Yu. Mongolian people’s mythology. In: Myths of the peoples of the world. Moscow, Sovetskaya Enciklopediya Publ., 1988, pp. 170–174. (In Rus.)
13. Neklyudov, S. Yu. Polystadial image of the spirit the owner, guardian and creator of fire in the Mongolian mythological tradition. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1992/1993, vol. 46 (2–3), pp. 311–321. (In Rus.)
14. Neklyudov, S. Yu. Mongolian mythology: religious and narrative traditions. In: Mythology and literature of the East. Moscow, Nasledie Publ., 1995, pp. 67–77. (In Rus.)
15. Neklyudov, S. Yu. Folklore landscape of Mongolia. Book and oral epic. Moscow, Indrik Publ., 2019, 592 p. (In Rus.)
16. Natsov, G.-D. Materials on the history and culture of the Buryats. P. 1. Translation from Old-Mongolian and notices by G. K. Galdanova. Ulan-Ude, Buryat SC SB RAS Publ., 1995, 156 p. (In Rus.)
17. Dugarov, B. S. Mythology of the Buryat Geseriad: Eastern Tengris. Ulan-Ude, Republican Printing House, 2007, 268 p. (In Rus.)
18. Buryat heroic epic “Khuiilen khukhe mor’toi Khukheldei Mergen khubuun”, “Khukherdei merge”. Scientific translation, preface, comments, notes, dictionary of untranslated words by N. N. Nikolaeva. Ulan-Ude, Republican Printing House, 2022, 360 p. (In Buryat and Rus.)
19. Manzhigeev, I. A. Buryat shamanistic and pre-shamanistic terms. Moscow, Nauka Publ., 1978, 125 p. (In Buryat and Rus.)
20. Novik, E. S. Ritual and folklore in Siberian shamanism: (experience of comparison of structures). 2nd ed., rev. and additional. Moscow, Eastern literature Publ., 2004, 304 p. (In Rus.)
21. Khangalov, M. N. Collected works in 3 vols, vol. 1. Ulan-Ude, Republican Printing House, 2004, 508 p. (In Buryat and Rus.)
22. Abay Geser Bogdo Khan. Text preparation and foreword by M. I. Tulokhonov, D. D. Gomboin. Ulan-Ude, Buryat Book Publ. House, 1995, 521 p. (In Buryat)
23. Geser. Epicteller P. P. Dmitriev, recorded by D. Khiltukhin, prepared for publication by A. I. Ulanov, K. M. Cheremisov, under the general editorship of P. I. Khadalov, A. I. Ulanov. Ulan-Ude, Printing house of the publishing and printing industry department of the Ministry of Culture of the BASSR, 1953, 163 p. (In Buryat)
24. Abay Geser. Epicteller P. M. Tushemilov, scientific notation by T. M. Boldonova, translation, introduction and afterword by S. Sh. Chagdurov. Ulan-Ude, Buryat State University Publ. House, 2000, 256 p. (In Buryat and Rus.)
25. Sharakhshinova, N. O. Myths of Buryats. Irkutsk, Eastern-Siberian Book Publ. House, 1980, 168 p. (In Rus.)